

Елена Машкина

Дети Нибиру

Ловцы снов

книга 2

Елена Машкина
Дети Нибиру. Ловцы снов
Серия «Дети Нибиру», книга 1

<https://litres.ru/74108514>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Я думала, что ищу сны. А оказалось, что сны искали меня».

Алина слышит чужие мысли, движет предметы взглядом и мгновенно перемещается в пространстве.

Новгород, 1998 год. Вместе с загадочным Димой она ищет древний манускрипт, скрывающий тайну Ведунов. Валдай. Петербург. Дверь, которая изменит всё.

Содержание

Книга 2	4
Дети Нибиру. Ловцы снов	4
Предисловие	4
Глава 1. Знакомое утро	6
Глава 2. Сценарий для жизни	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Дети Нибиру. Ловцы снов

Книга 2

Дети Нибиру. Ловцы снов

*«Я думала, что ищу сны. А оказалось, что сны
искали меня.»*

Предисловие

Мы привыкли называть их «плодом воображения». Удобная, безопасная формула, не правда ли? Когда наутро от захватывающего путешествия или полёта над первозданной Землёй не остаётся ничего, кроме липкого комка тревоги или смутной улыбки, мы пожимаем плечами: «Просто приснилось». Мы открываем окна реальности и возвращаемся к делам.

Но что, если мы обманываем себя? Что, если сон – это не бред уставшего разума, не хаотичное переживание прожитых событий, а единственный настоящий мост через пропасть по ту сторону жизни? Засыпая, человек не выдумывает миры – он забывает о барьерах и на миг становится тем,

кто способен в эти миры заглянуть. Воображение здесь лишь переводчик, жалкий стенографист, который пытается записать увиденное слабым языком образов.

Взгляните на спящего в лунном свете. Его веки подрагивают, зрачки бегают под тонкой кожей. Где он сейчас? Учёный скажет: в фазе быстрого сна. Мудрец промолчит. А я вам скажу так: нет ничего более реального, чем то, во что мы не в силах поверить наяву.

В древности люди знали: во сне душа покидает тело. Её не удержишь ни цепями, ни стенами. Она уходит туда, где время течёт вспять, где статуи дышат, а тени хранят память о тех, кого никогда не существовало. Или – кто существовал всегда, но мы разучились их видеть.

Эта книга не о снах. Эта книга – из снов.

Я не прошу вас верить мне. Я приглашаю вас вспомнить. Вспомните свой самый странный сон – тот, где правила нашего мира не работали, но была своя, жестокая и прекрасная логика. Вспомните чувство, когда вы просыпаетесь с четким знанием: там всё настоящее. А здесь – лишь бледная копия, суета сует.

Так что же такое сон? Тюрьма ли нашего подсознания или единственный ключ от двери, которую мы тщетно ищем в стене собственной спальни?

Ответ, как всегда, там. Между стуком собственного сердца и тишиной перед рассветом. Переверните страницу. Пора туда вернуться.

Глава 1. Знакомое утро

Утро ворвалось в голову раньше, чем я открыла глаза. Чужая песня — «Мумий Тролль», навязчивая и тягучая — уже крутилась где-то в затылке, пока сознание только-только вылезло из сна. Я мысленно напевала её вместе с невидимым голосом, и это было странно: внутри я звучала тонко, почти по-детски, совсем не так, как говорю наяву. Отфильтровывать чужие мысли — навык, который даётся годами, но по утрам мозг ещё ленится, и чужие голоса лезут без спроса, как непрошенные гости.

Я приоткрыла один глаз. Потолок — бледно-зелёный, с трещиной, похожей на карту реки. Справа — кровать Юли, заваленная тетрадками и журналами мод. Слева — моя, где я сейчас лежу, прижимая к груди плюшевого зайца с оторванным ухом. За окном — сентябрьское небо, низкое и серое, и крыша соседнего медобщежития, откуда иногда тянет йодом — едким, чужим запахом, похожим на чужую тоску.

Великий Новгород, 1998 год. Всё как всегда. Почти.

Я села на кровати, потянулась, хрустнув позвоночником. На тумбочке — старый будильник «Слава», который вечно спешит на десять минут. Семь утра. Юля ещё дрыхла, уткнувшись носом в подушку, а Оля — та вообще вернулась под утро, сейчас её не разбудишь и артиллерией. Комната пахла пылью, старой краской и вчерашним чаем — той сме-

сю, что намертво въедается в общажные стены и становится почти родной.

Я спустила ноги на пол, и ступни коснулись холодного линолеума. Перед глазами поплыло — обычное утреннее головокружение, но я уже привыкла. В такие минуты важно не думать о том, кто я на самом деле. Иначе закружится сильнее.

Мне девятнадцать. Я из Холма — маленького городка, где осень пахнет мокрыми листьями и рекой, а зимой — печным дымом и сеном. Сейчас я учусь на режиссёра массовых и театрализованных действий в училище искусств имени С. В. Рахманинова. Это значит, что я должна придумывать праздники, ставить спектакли и заставлять людей улыбаться. Но по утрам я просто пытаюсь не выдать себя: не выдать, что слышу чужие мысли, умею перемещаться в пространстве и двигать предметы, не касаясь их.

Это началось в четырнадцать. Тогда я жила в Башкирии, в старом доме, где снимала комнату у старушки. Сложные были времена, у каждого — своя история. А у меня — высокая температура, бред, потолок, который плывёт перед глазами. А потом — резкий холод, мокрая трава, звёзды над головой. Я очнулась на самом высоком холме, откуда видно огни ночного города. Зажмурилась — и снова оказалась в своей комнате. Но той же ночью старушка умерла. Совпадение? Я не знаю до сих пор. Но тогда я впервые поняла: мир — не такой, каким его показывают.

В пятнадцать пришло то, что нельзя было списать на болезнь. Чужие мысли стали просачиваться в голову — сначала только когда кто-то злился или плакал, потом всё чаще. Тогда же пришли сны, которые были слишком реальными, чтобы быть просто снами: фиолетовые горы, два солнца, море, человек в белом. Он смотрел так, будто ждал меня тысячу лет. Иногда я просыпалась не в кровати, а на полу — или вообще в соседней комнате. А однажды я оторвалась от земли — просто парила в воздухе, как птица. Закружилась голова, я шлёпнулась на пол, но с той ночи знала: во сне я летаю. И это не метафора.

Я стала привязывать к ноге верёвку — толстую, надёжную, другой конец — к ножке кровати. Помогало не всегда: иногда я просыпалась на крыше сарая или в поле за огородом, а верёвка оставалась привязанной к кровати. Но она давала иллюзию безопасности — будто я ещё здесь, будто не улечу совсем.

К шестнадцати я научилась управлять своими способностями. Телепортация стала осознанной: смотришь на дверь — и ты уже за ней. Телекинез пришёл следом: сначала монетки и карандаши, потом книги и стулья. Ещё я могла оттолкнуть человека или остановить летящий предмет — без прикосновений, одной силой внимания.

Сейчас я учусь на режиссёра, живу в общежитии, бегаю по утрам и ем пирожки с капустой. Внешне — обычная девушка из глубинки. Но внутри — та, кто слышит чужие мысли, кто

двигает предметы и перемещается в пространстве по своему желанию, кто видит сны, которые не забываются. И я никогда не позволяю себе быть неосторожной — никто в училище не знает. Ни Юля, ни Оля, ни преподаватели.

Сегодняшнее утро, как всегда, началось с пробежки. Я натянула старые кроссовки, сунула в карман куртки плеер с кассетой «Сплина» и выскользнула за дверь, пока Юля сонно бормотала что-то про «вечно ты носишься». Холодный воздух на лестнице ударил в лицо, и я выдохнула облачко пара.

Набережная Волхова была пуста — только чайки, ветер с реки и редкие рыбаки, застывшие над удочками. Я побежала, и сразу стало легче: шаги отбивали ритм, дыхание выравнивалось, а мысли перестали путаться. Бег — это единственное время, когда я могу побыть просто Алиной, а не той, кто слышит голоса.

На полпути я остановилась у перил, взглянула на реку. Волхов тёк спокойно, серый и гладкий. Я перевела взгляд на мокрую ветку ивы — она качнулась в такт моему дыханию. Просто проверка. Просто чтобы убедиться, что я всё ещё контролирую себя.

Обратная дорога прошла мимо ларька с пирожками. Тётя Зина уже знала меня в лицо, улыбнулась из окошка:

— Опять бегаешь, Алинка?

— Ага, — выдохнула я, и в ту же секунду услышала её мысль, но не словами — ощущением: *«Худая как щетка, а бегают как заводная... хоть бы витамины попила»*. Я улыб-

нулась ей в ответ, взяла пирожок с капустой и пошла дальше. Научиться не реагировать на чужие мысли — отдельный навык. Иногда мне кажется, что, если бы люди знали, что я их слышу, они бы навсегда замолчали. Но я молчу. Всегда молчу.

В общежитии Юля уже сидела у зеркала, красила ресницы тушью «Ленинград». Я бросила ей на стол пирожок.

— Ты бы хоть раз позавтракала нормально.

— А ты бы хоть раз не бегала, как будто за тобой гонятся, — огрызнулась она, но без злобы. Я видела в зеркале её отражение: глаза чуть прищурены, губы тронуты улыбкой. Юля из Питера, будущий хореограф, характер с характером, но добрая. Я сказала ей про свою «интуицию» — она поверила. Не во всё, но достаточно, чтобы не лезть с лишними вопросами.

Из-под одеяла на Олиной кровати донеслось хрипловатое:

— Алина, у тебя опять книга под подушкой? Дай почитать.

Я залезла под подушку — вместо книги нащупала тетрадь. Ту самую, где я записывала сны. Завела её месяц назад, когда поняла: сны — это не просто сны. Они оставляют след. Они зовут.

— Ничего, — сказала я Оле. — В следующий раз.

Она буркнула что-то невнятное и снова уткнулась в подушку.

Я села на подоконник, поджав ноги, и посмотрела в ок-

но. Напротив — медобщежитие, мокрые крыши, тополя, которые уже начинали желтеть. Кто-то курил на балконе, кто-то развешивал бельё. Снаружи — обычная жизнь, текучая и предсказуемая. Но у меня есть ещё одна жизнь — во снах. И она ждёт.

Я достала тетрадь, открыла на последней странице и написала:

«Нибиру. Ведуны. Человек в белом. Знаю — это не сон. Буду искать».

Почерк вышел неровным, но я не стала переписывать. Закрыла тетрадь, сунула обратно под матрас.

За стеной кто-то взял гитару, в коридоре засмеялись. Я легла на кровать, уставилась в потолок. Дождь за окном начинал моросить, и капли стучали по стеклу — тихо, настойчиво. Я прикрыла глаза и позволила себе просто слушать этот звук. Никаких мыслей, никаких голосов. Только дождь и пульс собственного сердца.

Всё будет хорошо. Я чувствую.

Глава 2. Сценарий для жизни

После пробежки и пирожка с капустой — сборы на пары. В рюкзак полетели тетради, карандаши, планшет для эскизов и термос с чаем, который Юля назвала «жидкостью для бодрости духа». Осенний Новгород встретил меня на выходе серым небом и мелкой моросью — той самой, что не промочит до нитки, но въедается в кожу холодом.

Училище искусств имени Рахманинова стояло в старом здании с высокими потолками и лепниной. Внутри пахло деревом, мелом и старым паркетом — тем особым запахом, который бывает только в творческих заведениях, где стены помнят поколения студентов. Поднимаясь по лестнице на второй этаж, я поймала себя на том, что всё ещё слышу остатки чужой песни из утра — «Мумий Троль» затих, но оставил после себя лёгкую вибрацию в затылке. Я встряхнула головой, пытаюсь стряхнуть её.

«Режиссура театрализованных представлений» — предмет, который я жду с нетерпением, даже когда голова гудит от утренних голосов. Александр Михайлович — из старых режиссёров, с седой бородкой и вечным «Беломором» в пальцах — сегодня расхаживал между рядами, заложив руки за спину. Он любил смаковать каждое слово, будто пробовал его на вкус, и даже его мысли текли медленно, с достоинством.

— Режиссёр праздника должен чувствовать толпу раньше, чем она сама осознает своё настроение, — говорил он, и его голос плыл над аудиторией, как дым. — Это почти магия.

Он задержал взгляд на мне, и в ту же секунду из его головы пришло не слово, а ощущение: спокойное, ровное, как хорошо отрепетированная сцена. *«Алина сегодня сосредоточена. Хорошо»*. Я отвела глаза и сделала вид, что внимательно записываю. Давно научилась не вздрагивать от чужих мыслей, но иногда они всё равно застают врасплох — особенно когда совпадают с тем, что ты сама о себе думаешь.

После пар аудитория опустела, и я осталась одна — нужно было доделать эскиз сцены для курсовой. Тишина, только дождь за окном и шелест карандаша по бумаге. Я рисовала, уйдя в линию, как вдруг взгляд упал на стул, стоявший чуть криво у преподавательского стола. Я посмотрела на него — и он сам собой выровнялся. Один плавный поворот, почти незаметный, будто его кто-то поправил рукой. Я даже не осознала, что сделала это, пока не увидела результат. К счастью, в аудитории никого не было. Я выдохнула, провела ладонью по лицу. Контроль — это постоянное напряжение, и иногда оно даёт сбой, когда я расслабляюсь.

На выходе из корпуса я столкнулась с Олей. Она стояла у крыльца, бледная и сонная, с глазами, которые явно видели больше ночных клубов, чем учебных аудиторий. От неё пахло сигаретами и дешёвыми духами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.